

**Аркадий Федорович
Еремеев**

Доктор философских наук, заведующий кафедрой этики, эстетики, теории и истории культуры, действительный член Академии гуманитарных наук Российской Федерации.

НЕОЧЕВИДНОСТЬ ОЧЕВИДНОСТЕЙ

...Интеллигент в провинции... Казалось бы, что может быть привычной и очевидной такого рода ситуации: и в областных центрах и в глубинках не в диковинку, а, как говорится, в нормальных штатных номенклатурах постоянно, по крайней мере до последнего времени, состояли учителя, врачи, инженеры, агрономы, зоотехники, юристы, служащие разных рангов — да всех и не перечислишь. Но и этот круг не предельный: не забыты еще дискуссии ученых-социологов о том, причислять ли, скажем, продавца магазина к интеллигенции, да и среди пролетарского класса-гегемона тоже отыскивалось вкрапление особого рода — так называемый рабочий-интеллигент. Но даже без этой дополнительной экзотики давно стал привычной истиной факт: если до революции в большинстве населенных пунктов России можно было встретить разве что учителя начальных классов, священника да изредка фельдшера, то к началу «перестройки» интеллигенции любых разрядов было в изобилии, а кое-где и с переизбытком. Причем, в полностью укомплектованной школе

или больнице количество интеллигентов любой Тьмутаракани по составу мало чем отличались от Москвы или Ленинграда, т.е. от «столиц».

В России дипломы о высшем образовании выдаются одного и того же образца, что во Владивостоке, Кургане, Екатеринбурге и в Москве; во всех сколько-нибудь крупных научных центрах действуют ученые советы и присуждают ученые степени докторов и кандидатов наук; повсеместно встречаются академики разных академий и т.п.

Короче говоря, есть полновесные основания констатировать существование единой и не существенно различающейся регионально интеллигенции страны. Раньше ей даже находили постоянное место в социальной стратификации — промежуточное между классами, а потому и именовали ее почти кондитерски — прослойка. Сейчас о классах рассуждать не принято, но интеллигенция как была обособленной группой работников умственного труда, опосредующего свое отношение к миру умственной деятельностью, так и продолжает тако-

вой считаться. Ее градации на техническую и художественную, вузовскую или академическую определяются родом занятий, а отличие, скажем, городской интеллигенции от сельской связано вообще не с качественным признаком — с местожительством. Похоже, к этому же разряду подразделений относится и членение интеллигенции на столичную и провинциальную. Во всяком случае, исторические корни данного феномена обнаруживаются именно здесь. Если провинциями в Древнем Риме называли завоеванные территории, то в России XVIII в. — региональные округа и деление по принципу — относится к столице или нет.

Но к этим чисто формальным основаниям давно добавилась ценностная интерпретация — сопоставление столичного с провинциальным обычно и устойчиво делается не в пользу последнего. Непервичность, второсортность, некая органическая ущербность видится в провинциальном. Еще со времен А.П.Чехова определения «провинциальный актер» или «провинциальный писатель» всегда отдавали упадком, захоластьем, убожеством. «В Москву, в Москву» — как спасительный манифест скандируют три сестры в знаменитой чеховской пьесе, ловя последний луч ускользающей надежды. Сейчас и эти упования лишились последней осязаемости даже по мелочно-будничным причинам — в Москву без прописки не сунешься, там даже и коренных, но в чем-то проштрафившихся жителей селят не ближе 101 километра...

Но если звучание и значение Москвы для нестоличного жителя со времен Чехова и изменились довольно круто, то отрицательный смысловой оттенок в возникающей через соотнесенность с ней провинциальности

остался. Распространяется это своего рода несмысленное «клеймо» и на все существительные, которые объединяются со словом «провинциальный». И уж тут термин «интеллигент» как будто специально создан с этой принижающей целью. Но если филологическая традиция следует однозначно указанной особенности, то жизненная наполненность ее словно бунтует и не соглашается.

В самом деле, слова «интеллигент в провинции», «провинциальный интеллигент» или «интеллигент провинции» звучат, на первый слух, практически одинаково, казалось бы, незначительны смысловые различия в этих словосочетаниях — речь-то все равно идет о враче или полеводе в Твери или Красноярске, т.е. о тех, кто фактической жизнью своей относится не к столице. И все же эта подробность скорее географическая, чисто количественная, а вот качества жизни нестоличных интеллигентов далеко не совпадают и несовпадения подчас носят принципиальный характер. И здесь за примерами далеко ходить не надо, в своем, не Московском, а Уральском, университете обнаруживаются они с явной очевидностью.

Прежде всего заметим, что в словосочетаниях «провинциальный интеллигент» или «интеллигент в провинции» основное смысловое ударение делается на слове «провинциальный» (провинция!) и само собой подразумевается, что такой интеллигент и похуже, и поплоче столичного, да и спрос с него невелик. С прошлого века — продолжим ранее начатое — с героев Чехова и Потапенко повелось, что провинциальный врач, учитель жалки, замотаны жизнью, интеллектуальные и нравственные силы их на исходе... В словосочетании же «интеллигент провинции» смысловой заряд

содержится в другом слове, а именно в слове «интеллигент», т.е. носитель интеллектуальности, культуры, духовности, светлых надежд и устремлений, т.е. профессионал высокого уровня. По этим параметрам интеллигент провинции вполне сопоставим со столичным и может даже превосходить его.

Скажем, в Уральском университете долгие годы работал доцент Владимир Владимирович Кусков, и когда жизненные обстоятельства сложились так, что он вынужден был покинуть Екатеринбург, то без всяких переходов и переподготовок стал профессором суперпрестижного Московского университета, причем в числе ведущих — написал учебник для вузов страны, создает статьи принципиальной важности в области древнерусской литературы.

Заведующий кафедрой физиологии растений Адольф Трофимович Мокроносов уже в стенах Уральского университета стал академиком РАН и позже возглавил головной академический столичный научно-исследовательский институт общей биологии.

Историк Михаил Яковлевич Сюзюмов был «всего лишь» профессором Уральского университета и кавалером скромного ордена «Знак Почета», который, кстати весьма показательно, получил только к своему 85-летию. Но зато он был медиевистом с мировым именем, автором блестящих трудов, членом престижной редколлегии «Истории Византии», зачинателем далеко не провинциальной по своему значению научной школы.

Скромный доцент Павел Александрович Шуйский выступил «соперником-соревнователем» «самому» В.А. Жуковскому, сделав оригинальный перевод «Одиссеи» Гомера и опубликовав его в нашей типолаборатории. Он же долгие годы вел небезуспешную поле-

мику с крупнейшим авторитетом в области античной литературы академиком С.И. Соболевским, предлагал более точные и тонкие, на его взгляд, текстологические варианты и истолкования, в частности «Гомеровских гимнов».

Ученых нашего университета, достигших мирового или всероссийского уровня, было немало, да и сейчас они еще не перевелись. Достаточно назвать лишь фамилии Н.Н. Красовского, С.С. Шварца, А.А. Тагер, П.Г. Конторовича, В.К. Иванова, С.Н. Шиманова, Б.П. Колесникова, С.В. Карпачева, Ю.С. Осипова, Г.И. Гулина, чтобы мысль эта оказалась подтвержденной. Достижения ученых значительны не только в «своих» областях наук, а и в смежных или даже весьма далеких от них. Скажем, в Академию гуманитарных наук принят заведующий кафедрой алгебры и геометрии профессор Л.Н. Шеврин, рекомендован в нее профессор-биолог Ю.И. Новоженков, существенно обогатившие, кроме своих, и гуманитарную науку. Л.Н. Коган и К.Н. Любутин являются действительными членами сразу двух российских академий — естественных и гуманитарных наук.

Но суть проблемы не только в громких титулах. А.Ф. Герасимов опять же «всего лишь» доцент-физик, но это человек высокого интеллекта и культуры, многих замечательных качеств; будучи проректором университета, он, так сказать в «официальном порядке», а потом и неофициально, весьма благотворно влиял на формирование ученых разных профилей, учил честности в науке и перед наукой, развивал их интеллект и способствовал приобретению того, что несколько расплывчато, но зато вполне достойно уважения по сути принято называть «подлинно университетским уровнем».

Люди, подобные только что названным, на первый взгляд, изнутри взрывают избранную здесь тему. В самом деле, к характеристике упомянутых ученых определения «провинциальный» или «столичный» ничего не добавляют. Они, если можно так выразиться, обитают в абсолютных измерениях и занимаются своим делом, которое их усилиями обретает вес и значительность. Можно, допустим, рассуждать, почему Б.П. Колесников переехал в Крым, а не в Москву, а другие вообще никуда не переселились, хотя возможности и предложения были. И все же при таком подходе мы станем касаться бытовых подробностей биографий, а не природы жизненных позиций, которые как раз и определяются показателями вроде «интеллигент провинции».

Не скрою, семантика названного словосочетания, его смысловая интонация требуют усиливающего позитивное звучание добавления наподобие «подлинный», «истинный интеллигент провинции». Но это уже будет подводить конкретных людей под некий очевидный эталон, его же на самом деле нет и можно назвать лишь некоторые принципы, которым человек следует, прежде чем попасть в определяемый здесь разряд.

Невольно может возникнуть вопрос: почему же «недостаточно» просто честно жить, хорошо работать, общаться с достойными, полезно проводить досуг, чтобы стать подлинным интеллигентом провинции? И ответ на него приходится начинать с указания на некую особую подвижническую миссию, которую вынужден брать на себя и осуществлять интеллигентный человек в маленьком или среднем городе, в деревне или поселке. В столице интеллигент может ограничиться своим прямым делом вузовского профессора,

школьного учителя или участкового врача. Его, например, может не волновать метко подмеченное на многие века наблюдение П. Чаадаева о том, что «Мы, русские, растем, но не зреем, идем вперед, но по какому-то косвенному направлению, не ведущему к цели». Исправлением этой несообразности, способствованием духовному укреплению людей в столице может «заняться» культурная среда — обширные библиотеки, разнообразные музеи и театры, творческие встречи и диспуты, гастроли лучших художественных сил мира и др. Российская провинция лишена этих завидных атрибутов полнокровной интеллектуальной и эмоциональной жизни. Кино практически исчезло, библиотеки разорены или недоукомплектовываются, журналы не по карману тощему периферийному кошельку, телевидение, как всегда, густо перебарщивает с политикой, и интеллигенту помощи просто ждать неоткуда, особенно если учесть, что в последнее время положение год от года ухудшается. Что греха таить, большинство смиряются с обстоятельствами, ограничивая свое служение обществу исполнением обязанностей по должности, мелким благотворительством да редкими, от случая к случаю, консультациями в специальных сферах. Это даже не «небокоптителы», как обидно их называли в минувшем веке, а просто люди, плывущие по течению, не равнодушные, но и не склонные к самопожертвованию, просто жители, хотя и с подтверждающими их интеллектуальную состоятельность дипломами.

Не таков подлинный интеллигент провинции. Если взять высокопарные, но довольно замусоленные от частого и долгого употребления все слова, вроде «Не проходите мимо», «Ты за все в ответе», «Совость — лучший

контролер», «Человек человеку — брат», «Знания — в массы», «Твой долг — помочь ближнему», «А ты записался в ..?», когда такого рода сентенции еще не стали мертвыми клише, а согревались кровью живой жизни — так вот эти слова вполне соответствуют обычным жизнедеятельным проявлениям подлинного интеллигента провинции. Он действительно в ответе за все происходящее: встречаясь с добрым и необходимым, он всецело поддерживает его; обнаружив зло, сам против него ополчается и привлекает других; всегда полон инициатив и затевает нужные людям дела. И во всем этом он — доброволец, он не ждет призывов или указаний, не выторговывает для себя, что повыгоднее, но он и не бессребреник, не идеалист (разве что чуточку романтик), а умный, расчетливый практик, добивающийся не эфемерного, а подлинного эффекта. Названные здесь собирательные черты многих воплощены в судьбах подлинных конкретных людей.

На памяти екатеринбуржцев многолетняя подвижническая деятельность профессора Ивана Алексеевича Дергачева. Он был человеком многогранным, можно немало сказать о его даре ученого, захватывающего лектора, библиофила, консультанта, рецензента, затевателя различных встреч с интересными людьми, собирателя и издателя сочинений Д.Н. Мамина-Сибиряка и Ф. Решетникова, наконец, просто редкостного знатока книги, уральской старины, краеведа и т.п.; все таланты Ивана Алексеевича вряд ли можно перечислить — всегда обнаруживается что-то неучтенное, неожиданное, но всегда кстати им совершенное.

Быть многогранным и одновременно не расплываться, не истончаться, не растрчивать сил в количественном

навале дел — способность еще более редкая, но Дергачев обладал ею вполне. И мне кажется главным образом — благодаря осознанию своей жизненной роли, своей — обратимся еще раз к «громкому» слову — особой миссии на земле.

Да, я не оговорился, произнеся довольно выпененное и тоже порядком девальвировавшееся слово «миссия», звучащее еще более странно — в наше нарочито принижаемое, якобы негероическое, обыденное, «трагическое» время. Дело в том, что И.А. Дергачев провел всю свою жизнь в провинции. Не просто жил в Екатеринбурге, Висиме или Коптяках, не просто делился с окружающими обширными, постоянно пополняющимися литературными знаниями, а исполнял некий долг, которому он сам по себе взялся служить, без которого душа его была неспокойна и совесть обнаруживала свое присутствие.

Я имею в виду ту неизбежную активность, то нетерпение сердца, то святое беспокойство, которые никогда не покидали его, порождая неиссякаемую энергию и постоянно обновляющиеся инициативы в десятках новых и новых дел. Может, за слишком многое он брался — думали, а то и поговаривали порой. Но ведь большинство своих начинаний он доводил до стадии завершения или близкой к ней, а это — завидный коэффициент полезного действия.

И.А. Дергачев ни в чем не был провинциален. Даже у его недругов не повернулся бы язык назвать его провинциальным интеллигентом. А вот интеллигентом провинции он был подлинным. Конечно, прежде всего это обеспечивал его высокий профессионализм — и в научных изысканиях, и в продуманных, информационно насыщенных, далеких от шаблона (впрочем

как и от эффектных скороспелых новаций) лекциях, и в умении увлекать исследованиями молодежь. По названным здесь качествам И.А. Дергачев мог бы составить честь любому столичному или зарубежному вузу, а подлинные профессионалы не различаются на провинциальных и непроvincиальных, они самоценны и самодостаточны при всей своей высокой общественной востребованности и используемости.

Эта востребованность — не только результат естественной необходимости в общении с высококвалифицированным специалистом, но и показатель значительной открытости, доступности для других этого специалиста, его активной жизненной позиции. Люди типа И.А. Дергачева, прекрасно зная отечественную литературу и проникнувшись заключенной в ней духовной силой, всемерно стремятся расширить рамки ее влияния, вхождения в сознание и волевые побуждения как можно более широкого круга людей. Отсюда у самого Ивана Алексеевича была редкостная универсальность: редколлегии журнала и альманаха, сборников научных трудов, ученые советы, доклады на конференциях, командировки в глубинки, встречи с писателями, критиками, читателями, книголюбями, деятелями культуры. Помню, как университет организовал шефский культурный зимний десант в самый отдаленный таежный уголок области — в Таборы. Стояла лютая стужа, и в крошечном, насквозь промерзшем Ане отнюдь не случайно оказались не более молодые коллеги Ивана Алексеевича, а он сам и будущий академик А.Т. Мокроносов. Уже в последние годы своей жизни И.А. Дергачев в родном университете создал литературную гостиную, собиравшую представителей разных наук, в которой не только филологи и искусство-

веды, но и физики, математики, химии рассуждали о драматургии А.П. Чехова или поэзии А.С. Пушкина.

Видя главную высокую цель такого рода начинаний, Иван Алексеевич не чурался никакой черновой работы, сам печатал и разносил приглашения, по несколько раз наведывался к тем, кого хотел услышать или чьим присутствием дорожил, хотя ходить приходилось с этажа на этаж, а, как говорят, за плечами было нелегких семьдесят лет. Помню, как обрадовался И.А. Дергачев, когда узнал, что я, отложив на время теоретические исследования, взялся за анализ пушкинской «Метели». Он не только постоянно подбадривал меня и интересовался делаемым, но и подобрал самую полную в Екатеринбурге библиографию, включая последние периферийные издания. А когда работа была закончена, он настоял, чтобы о ней слышали студенты-филологи, чтобы они смогли задать вопросы, перенять исследовательские методы и т.п. И так во всем — блестящий профессионал И.А. Дергачев всегда оказывался полезным — например, в отпуск на юг мне привезли контрольный экземпляр моих издаваемых лекций по эстетике — их нашел время передать все тот же Иван Алексеевич; бережно храню первый выпуск «Ученых записок Тартусского университета», ставшего знаменитым после семиотической школы Ю.М. Лотмана, подаренный И.А. Дергачевым. И такие добрые проявления широты души Ивана Алексеевича могут припомнить многие.

Одержимость литературой, настойчивое систематическое, подчас подвижническое продвижение ее ценностей в жизнь — сказать так о деятельности И.А. Дергачева, значит не сказать ничего. Для него привычной повседневностью было зажигать сер-

дца духовными святынями, порождать необходимость неустанного служения литературе в учениках и коллегах, делать литературу частью жизни каждого, завораживать любовью к ней.

И эти черты типичны для подлинного интеллигента провинции. Нельзя забывать, как известный профессор филфака А.С. Субботин, еще будучи студентом (он пришел в университет в зрелом возрасте), готовил лекции по творчеству В.В. Маяковского и современной поэзии в пору, когда не было учебных пособий и доступных научных разработок, и ездил с этими лекциями по самым захолустным тупикам области, вернее, даже не ездил, а ходил пешком, так как у областного лекционного бюро не было на местах ни представителей, ни власти, и поэтому лекторы на свой страх и риск переходили из школы в школу в осеннее бездорожье или зимние холода, донося свежее дыхание науки о литературе. Кстати, это добром обернулось и для самого Александра Сергеевича: его позднее написанные книги и статьи отличало не просто выражение мысли, а живое дыхание непосредственного душевного общения с аудиторией.

По своему опыту знаю, сколь значительно может быть влияние подлинных интеллигентов провинции на широкий круг людей, на любые глубины их интеллектуальности и духовности. Так, на севере области, в Серове, учитель словесности С.А. Гайко, лингвист и логик П.В. Арзамасцев, юрист Е.С. Шапиро, музыкальный деятель М.Р. Низгурецкий, журналист И.И. Грибушин, лесной инженер и поэт В.Ф. Кутын создавали самый благоприятный культурный уровень более чем стотысячного города. И подобные им деятели, пусть и с другими фамилиями, знаю, были в Краснотурьинске,

Нижнем Тагиле, Богдановиче и других городах области.

Для всех названных и неназванных здесь интеллигентов провинции главным орудием их культурного воздействия было слово. Но, помнится, о русских в горькое назидание было говорено: «Слово наше всегда хорошо — дело наше почти всегда скверно». Сказано это было Николаем Шелгуновым еще в прошлом веке, но не устарело, к сожалению, и до наших лет, а поэтому проверка слова делом — надежный критерий для деятельности любого интеллигента и тем приятнее отметить, что у названных здесь людей слово никогда не расходилось с делом, а, напротив, само становилось делом, т.е. человеческим поступком, полезным культурным актом, доброй традицией, измененной к лучшему человеческой судьбой. Это подчас носит и вполне материальный характер. Приведу последний пример.

Сейчас принято критиковать, а то и ругать деятелей культуры недавнего советского периода, и во многом справедливо. Но вот оглянитесь на деятельность бывшего партийного работника Л.А. Худяковой — какой замечательный мемориальный квартал писателей Урала отстроила и наполнила высоким культурным содержанием она за свое директорство, а до этого — ставшие возможными благодаря ее содействию здания театров и дворцов культуры, почетные звания и награды театрам, актерам и режиссерам, хорошие условия работы для художников, музыкантов, писателей, театральных деятелей — всего и не перечислишь. А главное — не стареет, не выветривается сделанное подлинными интеллигентами, продолжает служить культуре и подает пример достойного отношения к делу.

В целом для подлинного «интеллекта провинции» характерно ничем не заменимое чувство хозяина своей страны; он не живет наспех, напоказ, лишь бы заметнее мелькнуть в глазах начальства или в средствах массовых коммуникаций. Современный политический бум, бушующий в России в последнее десятилетие, не привлек его заметного внимания, ибо борьба за власть имеет мало общего с обустройством страны и заботой о ближнем. Зато он учится сам и учит других извлекать исторические уроки из современности — ведь вновь случаемое так похоже на старое. Еще М.Е. Салтыков-Щедрин печально восклицал: «Как будто providенциальная задача наша в том состоит, все без остатка в три дня разрушить и в столет ничего не воздвигнуть». Обернулись бы для нас эти слова вещим уроком и не растерять бы нам накопленное.

Вообще вхождение в любое дело для «интеллекта провинции» — всегда приращение ценностей родной земли, всегда задел на будущее, всегда исполнение долга перед людьми. И осуществляется это не посредством произвольно нагромождаемых «пожарных» свершений, а в естественной повседневности трудов и забот своего народа.

...Российская провинция не раз восхищала, озадачивала, а то и огорчала. Одно при всех этих разных раскладах прочно обнадеживало — провинция, даже при ее никем не измеряемых потерях, при ее необерегаемости и незащищенности, все же оказывалась неисчерпаемой и на духовные щедроты, и на таланты, всегда выручала державу. Традиция эта сохранилась и поныне, в ней черпает оптимизм и председатель российского фонда культуры, и убежденный сединами академик, самый почетный наш гуманитарий. Но на этом пути — предупредительно отмечу — можно и просчитаться...

И когда очередной политический лидер, растратив все козыри народного доверия, в очередной раз начнет уповать как на последний резерв, словно на безотказный русский авось, на спасительные силы провинции, он может попасть и впросак: подлинных «интеллектов провинции», подобно названным выше, остается — увы! — все меньше и меньше, а их не сможет заменить никакое число «провинциальных интеллектов», сколько бы их не штамповали столичные и областные вузы. Впору заводить для «интеллектов провинции» Красную книгу, а еще важнее — обеспечить возможности их роста, возмужания и поддержки.